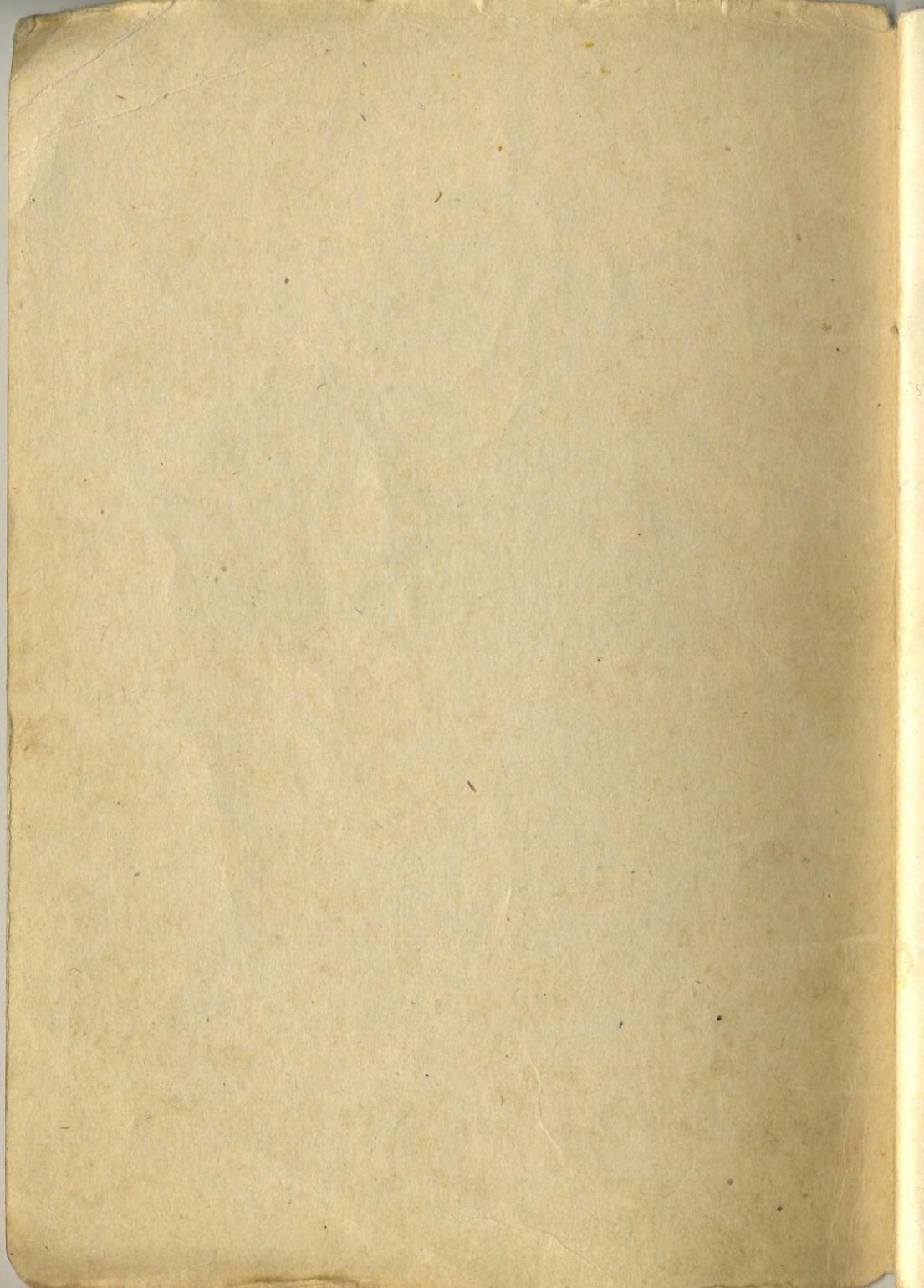

А. Ф. Карнаухов

*„Я жив
тобой,
родная
Ангара,„*

г. Кодинск

1871
Л. Ф. СЕРГЕЕВ
Казань
Казанского университета
Казанского университета

Л. Ф. СЕРГЕЕВ
Казань

Мои стихи не тайны
   постиженья,
и новизны в строках
   не достает,
но в них моей судьбы
   отображенья
и сердце обнаженное мое.

„О стихах“

Кежмарь

На Ангаре, в краю таежном,
В природе — матушке, как царь,
Отважный, мудрый и безбожный,
Живет потомственный кежмарь.

С одной пальмою на медведя
Идет он смело в глушь и в гарь.
В воде студеной ставит сети —
Рыбак, охотник наш кежмарь.

Ему милей не жаркий полдень,
А обжигающий январь,
Ему тепло в крещенском холоде —
Таков с рождения кежмарь.

Дает стране лес и пшеницу,
Пушину и лесной янтарь.
Ему не спится, не сидится —
Не знает отдыха кежмарь.

Он рыцарь мужества и чести.
Суров и тверд, но не сухарь.
Гостеприимен, но без лести —
Таким и должен быть кежмарь.

Ему не чужды ни Есенин,
Ни Шостакович, ни Грабарь,
Он любит песни, мир весенний —
Поэт в душе своей кежмарь.

Он о богатстве чувств и мыслей
не раззвонит, как пономарь —
Без громких слов отдаст Отчизне
Всю жизнь потомственный кежмарь!

Ночь

Тишина. Вдыхает море.
Сонно шепчут кипарисы.
Спят подоблачные горы
в бесконечной синей выси.
Спят самшитовые рощи.
Спят могучие платаны.
Ароматы южной ночи,
апельсиновых плантаций.

Шелест. Шорох. Чьи-то тени.
В теле нега разлита.
Это все до сновидений —
в них иная красота.
Сны мои всегда суровы.
Снится мне зима: мороз
и безмолвные сугробы
у снегурочек-берез.

Родина

Сыну Константину

Окончив школу, время обгоняя,
Спешите вы к далеким берегам,
А я же низко голову склоняю
К родной земле, к ангарским берегам.
Здесь каждый шаг пропитан потом, кровью,
И каждый дом — история сама,
Томились в ссылке вестники «Авроры»,
Прошла грозой Гражданская война.
Ты посмотри, сынок, на эти здания —
Они стары, тем дороги вдвойне —
И говоря прощально «до свиданья»,
Их не забудь в далекой стороне.
От этих зданий и отца, и деда
С рассветом провожали на войну.
У этих зданий в первый день Победы
Палили из двухстволок в вышину.
Две тысячи бойцов, сынов района,
Ушли на фронт и, жизни не шадя,
Дрались там до последнего патрона,
И тысяча их пала за тебя.

Суровый край не праздное застолье.
Не терпит он ни хлюпиков, ни мразь.
Ты знаешь, что ангарское раздолье
Рождало в людях мужество и страсть.
Тайга, морозы закаляли волю,
Будили в человеке доброту,
Воспитывали в нем презренье к боли
и тягу вековечную к труду.
Ты смотришь в далеко нетерпеливо,
Заманчиво блестит широкий путь.
В своей мечте, томительно красивой,
Оставить место Кежме не забудь.
В ней ни проспектов, ни метро, ни парков,
И нет в ней, кроме Школьной, площадей,
И грязь, и пыль, и холодно, и жарко,
И лай собак, и ржанье лошадей.
Но есть в ней то, что Родиной зовется,
Волнует нас, как первая капель,
Что поздней болью в сердце отзовется,
Хоть уезжай за тридевять земель.

Село твое уйдет на дно морское,
Зальет водой священные кресты,
Охваченный сыновнею тоскою,
Не принесешь печальные цветы.
Но пусть тоска не жжет невыносимо:
Твоя любовь целебна и легка,
Пусть наливает мужеством и силой,
И окрыляет светом маяка.

Моя земля

Всю красоту земли родной
Я с детских лет в себя вбираю
Земля моя! Живу тобой,
Хотя ты не обитель рая.

Пролиты тысячи потов,
Испытан «рай» душой и кожей
И только, может быть, за то
Ты стала мне вдвойне дороже.

Босое детство жег мороз.
На пашне зной — петлей на шее,
В 17 лет ушел в обоз,
А восемнадцать — в траншеи.

Но вспоминаю о добре —
Нередко радость выпадала:
Когда плескался в Ангаре,
В тайге бродил с ружьем устало.

Когда с литовкой шел в лугах
Среди травы неопалимой
На конях в утренних лучах
Скакал по розовой долине.

Я помню «сабли» из лозы
«Сраженья» наши, забегалки...
О как мне хочется босым
Промчаться улицей на палке!

Я вижу тени облаков
На парусах плывут глубоко,
Стада пасущихся стогов
У грани водного потока.

Я слышу клики лебедей,
Крик петуха, коров мычанье,
И тихий всплеск ставных сетей,
Ручья прохладное журчанье.

Давно то детство замело,
Давно и юность улетела.
Незабывается село,
Душа к нему не охладела.

«Прошли десятилетия, а ты
поешь все то же, что и прежде
так много тем и красоты,
а ты все тянешь песнь о Кежме.»

Нет, не страхи, ни обменять
Иных не знаю я названий
Уносит к родине меня
Всяк раз волна воспоминаний.

Друзьям

Друзья мои! Далеко вы теперь,
А так давно не виделся я с вами,
Что жду: вот распахнется дверь —
не почтальон, а вы войдете сами.
Друзья мои! О вас я не забыл,
не изменил в глуши я клятве той,
Не растерял я юношеский пыл
И верности не приобрел иной.
Я помню все (а помнить надо!):
Босых студентов, шедших на зачет,
И четырех шабашников бригаду,
На Весовом сгоняющую пот.
И все бегом, быстрее как бы,
Лишь только б сдюжила рука!
Ах, пальцы, пальцы, как вы слабы! —
И плаха падает к ногам.
И сил уж нет, и гаснет воля,
И холод адский на дворе.
А где-то, в сушилке, Коля
В шестидесятиградусной жаре.
И в масле проме так упрямо —
Ведь бочку не поднять нельзя.
Идти б под ней легко и прямо,
А ноги гнутся и скользят.
И эта чертова «горбуша» —
Навечно в нашу жизнь вошла:
Она нам вымотала душу,
Но наши плечи берегла.
Ну, что «горбуша»? Есть не просит
Зато нам шею гнет зачет!
Да и экзамены не сбросишь
А кто нам пот и соль зачтет?
Но мы, чуть что — и ноги в руки.
Нужда гнала, а не корысть:
Нам надо было грызть науки,
И было что зубам погрызть.
Все было. Но прощаться нужно:
Из ада нас вводили в рай
Взаимовыручка и дружба,
Соленый юмор через край
Бывало все. Не только голод,
Не только труд в поту, в грязи,
И «зайцы» в тамбуре, и холод,
Но были песни и «язи»
Бывало радостей немало
У нас, четверки кежмарей.
И всех нас в Томске обнимала
Любовь к родимой Ангаре.

1968 г.

Пожелаю я тебе удачи:
Доводи начала до конца,
Но важнее нету сверхзадачи —
Правдой завоевывать сердца.
Популярной быть, конечно, трудно:
Надо, чтоб всегда и каждый раз
Со страниц дышала полной грудью
Только правда, правда без прикрас.
Я давно такую мысль лелею:
Друг без друга мы не можем жить.
«Приангарье», в день твой юбилейный
Я тебя целую от души!

Улица детства

Нет, никуда от нее мне не деться —
всюду со мной она, улица Детства.
Снится она мне зеленой оградой,
старой уютной скамейкой под окнами,
и на всю улицу красным закатом,
и облаками высокими.
Сколько здесь дуг пронеслось с бубенцами,
сколько черков прошагало да ичигов
мимо домов с золотыми коньками
и кружевных белопенных наличников!
Здесь, на Крестьянской, качался я в зыбке,
улицей нашей шаги делал первые,
бегал босым, наживал себе цыпки,
как и друзья мои верные.
Шли мы с отцом в поле до солнцевехода
и возвращались усталыми затемно.
Трудный подъем и работа до пота
были моим самым первым экзаменом.
Радости знала ты, улица: свадьбы,
пляски, частушки, гулянья народные.
Знали и горе: лились слезы бабьи,
плыли листки похоронные.
Черное небо, и каждый день за год.
Сводки по радио — страшные вестники.
Улицей главной ушли вы на запад —
Где же теперь вы, друзья мои, сверстники?
Ты убегаешь все дальше и дальше
все на восток вдоль высокого берега.
Я потому в смерче огненном выжил —
ты в меня, улица, верила.
Снова с тобой я. Ты стала просторней.
Триста лет возраст, а не состарена.
Нынче ты носишь по праву, как орден,
гордое имя Гагарина.
Милая родина, зоренька ясная,
улица детства, Большая Крестьянская!

Ангара

Жить казак не сумеет без тихого Дога,
Украинец тоскует вдали от Днепра,
И волжанин на Волге счастливей, чем дома,
Но на свете нет рек, как моя Ангара.

Посмотрю на нее — в ней такое величие,
Поступь гордой царицы и юный задор,
И безмерная удаля, и нежность девичья; —
От горячеей волны затуманится взор.

Выйду утром к реке — от восторга застыну:
Или жизнь, или сказка, или самообман —
В час рассвета она принакрыла стремнину,
Как невеста в фату, нарядилась в туман.

Я беру эту чистую воду в ладони —
И светлеет лицо, угасает печаль.
В этой капле воды небо звездное тонет,
Умываются скалы, таежная даль.

Мчит вода предо мною, и нет ей предела:
Эту воду живую я пью не спеша:
Доброй силой тугой наливается тело,
Сердце бьется легко, молодеет душа.

Родная сторона

Я стою над кручею,
Замер, не дыша:
тишину я слушаю,
шелест камыша.

В водах солнце плавится,
в дымке берега...

Ангара-красавица,
ты мне дорога!

Вьется, льется весело,
будто ручеек,
наш ангарский песенный
чудо-говорок.

Ширь необозримая,
синяя тайга...

Родина любимая,
ты мне дорога!

Издали доносятся
голоса девчат,
по реке разносятся;
над тайгой звучат.

Песня лебединая,
вешний перезвон...

Сторона родимая,
я в тебя влюблен!

Моим выпускникам

Мои друзья, мои питомцы, здравствуйте!
Я вашим приглашением согрет:
Нет для меня сегодня большей радости,
Чем наша встреча через двадцать лет.

И кровь моя свиданьем с вами вспенена —
Все ваши жизни взвесил на руках:
Прошли они от первого, осеннего,
До майского, последнего звонка.

Вы были, как все дети мира, разными —
Тут ни единой краски не сотрешь.
Я не скажу, что были вы прекрасными,
Но каждый был по-своему хорош.

Окончив ученичество, довольные,
Разъехались, спеша, по всей стране.
Вернулись вы в родные стены школьные
Не все, как говорится, на коне.

Пусть эта встреча да поможет каждому
Сильнее стать, душевнее, добрей
И заразит неистребимой жаждою
Почаще собираться в круг друзей.

Чтоб после встречи вновь вернулась
молодость,
Окрепла ваша дружба, и еще:
Чтоб горячо любилось и работалось
И чтобы пелось тоже горячо.

Еще вино в бокалах будет пениться,
Назначьте встречу новую, друзья.
Быть может, время встречи и изменится,
А место встречи изменить нельзя.

Куда б судьба всех вас ни заносила,
Вы помните и в ливень, и в метель:
Единственная Родина — Россия,
А Кежемская школа — колыбель.

Песчинка

Село мое лежит в краю лесном —
далекая, негромкая глубинка.
В моей великой Родине она
всего лишь малая песчинка.
Песчинка! Но песчинка — золотая!
Манит к себе, в лучах заката тая.

В лужах скачут пузыри,
брызги во все стороны —
в каждой солнышко искрит.
Ух, как это здорово!
Сверху донизу вода —
красота!

Я не прячусь — нужно мне!
Подставляю голову.
Струи льются по спине,
дальше, как по желобу...
Дождь всего меня прошел —
хорошо!

ЛЮДЕ А.

Жизнь — такая радость,
нет чудесней чуда!
Ах, какая дата!
С днем рожденья, Люда!

Ах, какая веха
в жизненной орбите!
Пятьдесят, полвека —
человек в зените.

Прочь гони усталость
и грусти не очень:
пятьдесят не старость —
золотая осень.

Будь такой, как прежде,
молода, красива,
не теряй надежды...
Люда, будь счастлива!

На родине

Здесь прошло мое детство.
Здесь прошла моя юность.
Все ушло незаметно.
Все ушло, не вернулось.

Как давно было детство!
Как давно была юность!
Все ушло незаметно.
Все ушло, не вернулось.

Где ты? Где, мое детство?
Где ты? Где, моя юность?
Все ушло незаметно.
Все ушло, не вернулось.

Почему?

Почему я плохо спал
И проёнулся рано,
Сам, без бабушки, я встал
И примерил ранец?

Почему же я одет
Будто в день рожденья?
Брюки в стрелочку, берет —
Прямо загляденье!

Почему в моей руке
Вон какие розы —
Пышный розовый букет,
Розовая россыпь?

Я иду в тиши утра
Чинно, по-мужскому,
Потому что в первый раз
Я шагаю в школу!

Приезжай на Ангару

Приезжай на Ангару
В середине августа,
В полдень, ночью, поутру —
Хоть когда, пожалуйста!
Ждем вас, люди добрые
К нам в село старинное
Люди мы не гордые
И гостеприимные.

Припев:
Привечаем всякого,
Как в Сибири водится
Молвим гостю ласково
Доброго здоровьица!

Как поют у нас в селе!
Аж хватает за душу
От закусок на столе
Не оттащишь за уши.
Аппетита не унять,
От ухи тем более
Всякой снеди не обнять —
Полное застолье!

Припев:

Уплетаем не спеша
Статная ангарочка
Ох, уж больно хороша...
К строганине чарочка
Ждем вас, люди добрые,
К нам в село старинное.
Люди мы не гордые
И гостеприимные.

Припев:

Мои года — мое богатство

В. Кикабидзе.

Пусть голова моя седа,
Зимы мне нечего бояться,
Но вот беда: идут года
Мои года — мое богатство.

Морщины, немощь, маята,
Подагра, миокард и астма,
Склероз, давленье, глухота —
Вот это все — мои богатства.

ПЕСНИ

Последний луч

Последний луч погас в прибрежных скалах
За синей дымкой скрылись катера,
А между скал все билась и плескалась
Красавица Сибири — Ангара.

Тайга, тайга... Бескрайние просторы!
Горит костер рыбацкий вдалеке.
И все кругом — и острова, и горы,
И небеса — купаются в реке.

Истосковался я в разлуке долгой.
Меня ласкали разные ветра.
Я видел много рек — и Днепр, и Волгу,
А жил тобой, родная Ангара.

Мне не забыть вовек родного края,
Раздольных наших песен над рекой
Люблю тебя, как сын, река родная:
Нет краше и милей реки другой.
1953 г.

Наш праздник

Девятый май!
Красив наш главный праздник,
Народу тьма,
Сверкают ордена,
Но капли слез мужских
Смывают эти краски:
Живет и ныне в нас
Далекая война.

Помнишь ночи и дни кононады,
Первый яростный бой,
Помнишь всех, кто шагал с нами рядом,
Не вернулся домой.

Мы шли сквозь ад,
На лицах дым и пламя,
Нас звал набат
Навстречу всем смертям.
Громили мы фашизм
И погибали сами:
К Победе путь мостят
По крови и костям.

Снова видим мы желтые нивы,
Горизонт голубой.
Боже мой, как мы были счастливы,
Что вернулись домой.

Три солдата

Опять сегодня что-то мне взгрустнулось,
Опять я вспоминаю о войне:
Далекая простреленная юность
С программой «Время» вновь пришла ко мне.
Она пришла в кирзухах, плащпалатке,
След дымный на обветренных щеках,
Поникшая рука на автомате,
И боль на обескровленных губах.
Рукав и бинт, набухшие от крови,
И слабый стон над краткой тишиной...

Ушли на запад из-под теплой кровли
Нас три солдата из семьи одной:
Отец на фронте третьем Прибалтийском,
Па третьем Белорусском топал я.
А старший брат на третьем Украинском —
Па трех фронтах сражается семья!
Мой брат потел под солнцем Украины,
Отец в сырых снегах Курляндских мерз.
Отец-солдат и два солдата-сына
Держали фронт в четыре тыщи верст.
Нам повезло: смогли мы возвратиться
В победном сорок пятом, в сентябре.
Нам повезло. А брат все по больницам,
Отец давно покоится в земле.

Два поколения — спайка крепче стали.
Одна семья — бойцы на трех фронтах.
Но мы не только Родину спасали —
Мы шар земной держали на плечах.
Свою мы юность судим очень строго,
Но мы горды: сумели мир сберечь.
Пусть дети не услышат крик «Тревога!»,
В войне не гибнут. Вот об этом речь.

У обелиска

Весна. Толпа нарядная плыла.
Строй ветеранов мал у обелиска.
Звучали речи, музыка лилась.
Стоял солдат в строю и повалился.
В мгновенно наступившей тишине
Печально — глухо звякнули награды.
Солдата не убило на войне —
Она его убила на параде.

Долгожители

Где диета, режим,
горный воздух целительный,
труд любимый в тиши —
там живут долгожители.

Тем, кому больше ста,
счет ведут геронтологи,
нас не будут считать —
мы для них слишком молоды.

Одногодков там нет,
нет друзей, моих сверстников:
в той погибли войне
миллионы ровесников.

Отстояв Мавзолей,
пол-Европы протопали,
девятнадцать лет
пали мертвыми во поле.

Смогло эхо войны,
над землей небо мирное —
кровь великой страны
в нашем сердце пульсирует,

Мы включили в труде
запредельные скорости
по заказу сердца,
по велению совести.

Дел крутых круговерть
не сгибала нас в поясе —
поджидала нас смерть
то в больнице, то в поезде.

Шли в бою на таран,
в рукопашном не трусили —
умирали от ран,
гасли мы от контузии.

Сколько раз шли ко дну,
сколько горя мы видели!
Кто прошел сквозь войну —
в шестьдесят долгожители.

Доброборец

«Добро должно быть с кулаками.
Но что кулак? В нем мало толку.
Уж лучше палка или камень...»
А сам завел себе двустволку.
В саду в один из августовских дней
Он разрядил ее в грабителей — в детей.

Первый день

То утро медленно вставало,
Тянулся долго полумрак,
И не спалось и не дремалось
От легких и нелегких ран.
Все то же в душном санвагоне:
Бинты, параша, гипс и вонь.
Мычит, бормочет, шепчет, стонет
В бреду неистовая боль.

Вдруг взорвалась картина эта,
И разлетелась тишина:
К нам с криком радостным «Победа!»
Вбежал какой-то старшина.
Глаза у всех на нем скрестились —
И опустел вмиг санвагон.
И пеходячие спустились,
Повыползали на перрон.

Смеялись парни, обнимались,
Кричали бешено «Ур-ра!»
И лишь тяжелые стонали
Да тихо плакала сестра.
Немало песен было спето —
Хмелели люди без вина:
Шел самый первый день Победы!
Вот так закончилась война.

Ветеранам войны

Вы — навек побратимы мои,
Окруженные внуками деды.
Наше братство скрепили бои,
Кровь на знамени нашей Победы.
Ах, какой снегопад седины!
И в отметилах лица и руки.
Нет, не вытравишь шрамы войны,
Дым пожара и грохот орудий.
Нам немного осталось — и пусть!
Мы горды: все отдали Отчизне,
И по-прежнему бьется наш пульс
В такт советской стремительной жизни.
Наша юность в боях сожжена,
Но в строю мы, не вышли из боя...
Если грянет вдруг снова война —
Заслоним своих внуков собою.

А на пилотках, молода,
В сиянии лучей,
Пятиконечная звезда,
Знак Родины моей.
И на плечах, не тяжелы,
Погоны из сукна,

Перекрещенные стволы —
артиллерийский знак...
Но дух солдатский в первый день
В ребятах слаб пока:
Обвисло все, и под ремень
Войдет три кулака.

И начался учебный «бой»
(Из нас солдат куют!):
«Подъем! Отбой! Подъем! Отбой!
Подъем!» — и мы в строю.
Но чтобы в строй не опоздать,
Проснись ты до подъема,
Почти уже одетым встань —
Ты не у мамы дома.
Когда же ты (твоя вина)
Чуть опоздаешь в строй,
Тебе раз десять старшина
Скомандует «Отбой!»

Пока нас драили слегка:
Мальчишки мы, салаги,
Пока пред знаменем полка
Не приняли присяги.
Мы на плацу перед полком
Под теплый дождь клялись,
Что за победу над врагом
Отдать готовы жизнь.
Скажу заранее: в бою
сдержали клятву эту,
Мы не жалели жизнь свою
За общую победу.

Ну, а пока (опять пока!)
Наш минометный взвод
В расположении полка
Готовится на фронт.
Гоняют нас и день, и ночь —
Не просыхает пот.
Как будто уж совсем невмочь,
А нас опять в поход.
С тобой винтовка, патронташ,
Противогаз, гранаты
И минометная плита —
Обычный груз солдата.

Стреляем, прыгаем, ползем
И ждем, когда отбой.
Ну, вот как будто бы уж все —
Нас в рукопашный «бой»!

Подтянуты, стройны.
Не страшен им сам черт в аду —
Готовы для войны.

В полку последние деньки.
Пора! Настал наш срок.
Сильны мы стали и крепки —
Прощай, учебный полк!
Пришли юнцы издалека
В стрелковый полк когда-то,
Теперь готовы бить врага,
Мы — зрелые солдаты.

Теперь уж мы наверняка
Придем в боях к Победе...
Стоим и ждем товарняка —
В телятниках поедем.

Погав на фронт, мы разбрелись,
Там было не до встречи:
Дружок мой Сашка стал танкист,
Я — полковой разведчик.
Не все вернулись в дом родной —
Сражались безупречно —
Лежат они в земле сырой,
Безусые навечно.
Как молодцы ребята те!
Юнцы — бойцы на деле.
Отдали жизни за детей,
Которых не имели.

Но каждый был из них солдат,
Уж в это вы поверьте!
Мы будем помнить тех ребят
Всегда, до самой смерти.
Не зря мы Родине одной
В полку клялись любовью:
Свою любовь к земле родной
Мы оплатили кровью.
Отдали ей сыновний долг.
А нас готовил в бой
Учебный полк. Учебный полк!
Тридцать четвертый мой.

Сталинградца м

Ветеранам 277 дивизии

Нет, я не воевал под Сталинградом,
И дом я Павлова не защищал,
На улицах не строил баррикады,
И Паулюса в плен я там не брал.

Но здесь, на Волге, в городе-герое,
Здесь родилась дивизия моя!
Стояла насмерть в тяжелой обороне,
Теряя силы в уличных боях.

Живите, люди!

Моим сверстникам, погибшим в годы
Великой Отечественной войны.

В живых нас нет уже давно,
О нас забыли вы, наверно.
Сидеть средь вас нам не дано —
Нас расстреляли в сорок первом.

Мы умирали на снегу,
На тесных нарах медсанбатов,
Сгорев в концлагерях, в плену,
Не ликовали в сорок пятом.

Мы жить хотели, как и вы,
Детей растить хотели сами, —
Мы, не познавшие любви,
Так и не ставшие отцами.

Мы в бой пошли в семнадцать лет,
А в восемнадцать полегли мы
За вечный мир на всей земле,
За счастье будущих любимых.

Живите, вы, не зная войн,
Любите, радуйтесь, мечтайте...
Но иногда, между собой
О нас, погибших, вспоминайте.

Пуля

В тишине рассветной пуля просвистела —
Мимо уха, мимо сердца, мимо тела.
У солдата сердце сжалось запоздало,
Вздригнуло в груди, затрепетало:
Испугалось сердце, кровью налитое,
За его, солдата, тело молодое.
Увидало сердце: пал солдат на поле.
Обнялся с землею — ни любви, ни боли.
Но шальная пуля мимо пролетела —
Мимо уха, мимо сердца, мимо тела.

Миллионы их летели днем и ночью.
Были пули — в цель летели точно:
Обжигали, резали, кромсали,
Били током, рвали злыми псами.
Дзенькали, стонали, пели, выли,
Оседали в теле, шли навывлет.
Всю войну хирурги в медсанбатах
Внимали пули из солдата.
Шрамы на фуражке, на шинели,

Шрамы на живом солдатском теле.
Пули те, что вынуты врачами,
Веки не дают сомкнуть ночами,
Но тревожит память то и дело
Первая, что мимо просвистела.

Женщинам войны

Я помню женщину поры военной,
Не ту, что умирала на фронтах —
Была она совсем обыкновенной,
С морщинками у сомкнутого рта.

Но не измерить подвиг небывалый!
Ее судьба печальна и светла:
Своим теплом весь мир обогрела,
А как самой хотелось ей тепла!

Не вылезала всю войну из робы —
Не доставалось матери обнов.
В январские трескучие морозы
Валила лес среди глухих снегов.

...Огнем пылали бедра и колени,
На них плясало пламя от костра,
Слеза ползла, кипела на полене,
И голос доносили ей ветра.

Стояла долго, глядя на дорогу,
Слепили слезы, горькие, как дым —
Нет, не молилась, заклинала богом:
Вернись живым, калекой, но живым!

И только раз она заголосила,
Листок казенный с ужасом держа,
А рядом с ней молилось пол-России.
Струной дрожала женская душа.

О женщины войны! Какие муки
Испили вы до самого до дна:
И труд без меры, и без встреч разлуки,
И ночи одинокие без сна.

О женщины войны! Вам не дарили
Ни золотые кольца, ни цветы,
Но вы казались в ватниках, без грима,
Богинями добра и красоты.

Вам, слабым, что давало силу?
Вы молча свой тяжелый крест несли...
Вы, жертвуя собой, спасли Россию.
Спасибо вам, поклон вам до земли!

Танк

Он шел, громада грозная, стальная
Со свастикой паучей на броне,
Все на пути грома и подминая,
И бил по безоружному — по мне.
Я в землю врос (мне только восемнадцать!)
Я жить хотел, а он — убить меня.
Но как набраться мужества подняться,
Пройти черту смертельного огня?
Убит наводчик, весь расчет. Неужто
Все конечно, и жизнь вся кувырком?
Моя противотанковая пушка
Молчит, грозя стволом, как кулаком.

Нет, ты не струсил, не уйдешь бесследно!
Да, нет гранат и пуст твой автомат,
Но пушка есть и есть снаряд последний!
Стреляй! Стреляй, артиллерист-солдат!
Грохочет небо. Глушит канонада,
Бьет по лицу холодный зимний дождь,
Все ближе танк. Ну, поднимайся! Надо!
И стисни зубы, подавляя дрожь.
Бросок вперед — и я у панорамы,
Вонзил в нее мгновенно зоркий глаз.
Идет громада в окуляр упрямо.
— Огонь! — шепчу я сам себе приказ.

Рев, грохот, взрыв, далекий скрежет стали
Проваливаюсь в бездну, в тишину...
Открыв глаза, я вижу дали, дали
И голубого неба вышину.

Бессонница

Третьи сутки без сна
полюхает война,
и взрывная волна
жарко пляшет в огне.
Над моей головой
грохот, выстрелы, вой,
а я сплю, стоя **сплю**,
прислонившись к стене.

А сейчас не война,
и вокруг тишина,
ночь темна и нежна —
мне не спится ничуть.
Подо мной не шинель,
не земля, а постель,
но опять до утра
мне глаза не сомкнуть.

ГОДЫ

(Маленькая поэма)

О время! Ты не ведаешь ни фальши,
Ни остановок, ни движенья вспять.
Идут года все дальше, дальше, дальше...
И вот пришли мои полсотни пять.

Такая годовщина у меня!
Ни легкости, ни внутренней свободы:
Стою в раздумье, голову склоня,
Перебираю прожитые годы.

И кровью мысль пульсирует в висок:
Когда они прошли, мои года?
Просыпались, как в решето песок?
Ушли, как между пальцами вода?

Нет, годы эти вовсе не бесследны!
Нет, жизнь не песок и не вода!
Все было: неудачи и победы —
Я много испытал и повидал.

За жизнь свою я не был только где!
Лишь не спускался вглубь, в земные недра.
И прошагал, проехал, пролетел
Полмиллиона километров.

Родился я и рос в те времена,
Когда взметнулось все, перемешалось,
Мчалась в социализм моя страна,
И с уходящим новь не уживалась.

Та буря потрясений неизбежных
Наш вековой уклад перетрясла,
Прошла сквозь каждый дом и угол Кежмы,
И не узнать таежного села.

Власть новая спешила утвердиться,
Шаги свои сверяя по Москве,
Хотя от белокаменной столицы
Живем на пяти тысячной версте.

Невиданные брались рубежи!
Как чудеса они входили в нас.
Запомнили мальчишки на всю жизнь,
Что появилось в Кежме в первый раз:

И первую коммуну, и врача,
И радио в избе, автомобиль,
И первую здесь лампу Ильича,
И первый самолет и кинофильм.

Шагал под ними, крючась, еле-еле,
Но отставать от взрослых я не мог,
Сгружал на человеческом пределе
И приползал домой без задних ног.

Бывал такой накал — горели плечи.
Но было и приятно, и легко.
Когда, столом стахановским отмечен,
Я уплетал сметану, молоко.

Нам тяжкий труд не застилал глаза —
О коммунизме будущем мечтали,
Хотели быть бойцами до конца
Всех революций в мировом масштабе.

Все жаждали мы классовых боев —
Свалить капитализм казалось просто,
Все в мире стало Наше и Мое —
Ничто не чуждо было нам, подросткам.

Мы верили испанским небесам,
Мы уходили с Тельманом в подполье,
Японцев гнали с озера Хасан,
В Монголии дрались на Халхин-Голе.

Болели всеми болями страны:
Коль Родина скорбит, то горько нам.
Оплакивали, как своих родных,
Мы Кирова, Островского и Горького.

Герои наши, как и всех ребят:
Клим Ворошилов и Семен Буденный,
Ангелина, Стаханов, Мамлакат,
Папанинцы и Чкалов окрыленный.

Да, Чкалов был кумир мой, идеал.
Мечта о небе разом захлестнула.
Как рвался ввысь я, в пятый океан!
Мою мечту война перечеркнула...

Война, война... Больше нету боли.
Смерть тучей шла на села, города —
Кто кровью истекал на поле боя,
Ее тот не забудет никогда.

Не раз лежал я там на поле минном,
Не раз я попадал под артналет
И шел в атаку с возгласом единым:
«За Родину! За Сталина! Вперед!»

Я оступался, поднимал кого-то,
Какие-то отмаливал грехи,
Но в основном, я в основном работал,
А иногда — пописывал стихи.

В своих стихах, конечно, я не Пушкин,
В поэзии совсем не Магеллан
И потому все множил безделушки.
А может, в них растрчивал талант?

Не пенсия, не сон — моя забота.
Не нужен отдых мне. Наоборот —
Огромное желание работать,
И кажется, что сил неупроорот.

Нет, старости нам поддаваться рано.
Пусть не приходит старость — ну ее!
Я стал сейчас моложе, как ни странно:
Наверно, сердце молодо мое.

Живая плоть, частица мирозданья,
Я остро ощущаю жизни вкус,
И красоту ее, благоуханье,
И ритм ее стремительный, и пульс.

Я дал итог находок и утрат,
Пересчитал события и даты,
Как демобилизованный солдат —
Полученные раны и награды.

Ах, годы, годы! То тихи и скромны,
То бурны — ты летишь, как по волнам.
Об этом годе так приятно вспомнить,
А об ином не хочешь вспоминать.

Один летит, сгорая, как комета,
Другой ползет, уставши от ходьбы.
А в общем, жизнь я прожил — не заметил.
Наверно, потому, что счастлив был.

Опять весна! Бегут вовсю потоки,
С собой уносят прошлогодний снег.
Далегие и близкие потомки
Торопятся, бегут на смену мне.

На это я нисколько не в обиде —
Чего жалеть о прошлогоднем снеге?
Но я хотел бы все-таки увидеть:
Что там, за гранью, в 21 веке?

Судьба меня обкатывала жестко:
Трясла и колотила на ветру,
Чуть приласкав, изматывала в доску
И стойкости учила и добру.

Передко наделяла и почетом —
Я выглядел, как ангел, притворясь.
Тогда она по мне железной щеткой —
Лоскутьями с меня слетала грязь.

И все же не готовился к параду,
Транжирил ум и страсть по мелочам,
Где надо бы смолчать — я резал правду,
Где надо бы кричать, а я молчал.

Но не умел и не ловчил нисколько:
Бывало наступал опасный миг —
Идти бы мне дорогою окольной,
А я, наивный, топал напрямик.

То тишь да гладь, то вдруг какой-то казус,
И на пути то ров, то западня...
Я жизнь свою прожил не по заказу,
А как она сложилась у меня.

Теперь она, как спуск с горы крутой,
И дальнзоркость удлиняет ночи.
Слабее видишь мир перед собой,
А в прошлое острее взгляд и зорче.

Хватало в нем нюансов — не обижен.
Лишь пережив немало, ты поймешь:
Свою ты жизнь никак не перепишешь,
И ни мгновенья в ней не зачеркнешь.

Ты видишь их, ты сам себе судья,
Но годы полетели водопадом,
И ничего исправить уж нельзя —
Об этом думать в молодости надо.

Ах, как нам хочется порою
Убрать все пятна, чистенькими стать!
Ты от людей их, может быть, и скроешь,
Но не стереть их и не отстирать...

Мне — 60, но это не заслуга.
Достоинство и честь не в сумме лет,
А в том, что ты даешь, оставишь людям,
И что же ты посеял на земле.

Смотрю, как воды мчатся к Енисею —
Ничто не остановит их в веках.
Вот так и жизнь: коль я добро посеял,
Оно взойдет в моих учениках.

Я жизнь люблю, тем боле, что от жизни
Урона нет ни чувству, ни уму.
И потому иду я с оптимизмом
К последнему пределу своему.

Знакомый

В Москве в те дальние года,
У Сиверской часовни
Одна, в летах уже, седа,
Жила вдова Прасковья.

Муж был путеец, не из бар,
Работал, пока в силе,
Но вот хватил его удар —
Почил ее кормилец.

Как потеряла самого,
Жизнь стала вдруг нелепа.
Лишилась бабушка всего —
Ни денег нет, ни хлеба.

И стала бабка бедовать.
И с каждым днем все хуже.
Никто не хочет выдавать
Ей пенсию за мужа.

И каждый день, восстав от сна,
Идет, как на моленье:
Хлопочет пенсию она
Во всяких учреждениях.
Куда ни сунется — отказ.
Слез пролито немало.
Но вот Прасковья как-то раз
Добилась — в Кремль попала.

Заходит в длинный коридор
И, размышляя здраво,
Услышав громкий разговор,
Открыла дверь направо.

Вошла, а в комнате — народ.
— Кто здесь начальник главный?
— Начальник, бабушка, вон тот.
Иди к нему.

— Ну, ладно.

Она идет, но не спеша.
Глядит: он чуть моложе.
Простой. И видно, что душа.
«Наверно, он поможет.»

— Садитесь, бабушка! Вот тут!
Сюда, к столу. Отлично!
Простите, как же Вас зовут?
— Прасковья Ильинична.

— И я Ильич! Вот хорошо!
Мы с Вами тезки вроде.
Смеясь за стол к себе прошел,
Прошел и сел напротив.

И не сводя с портрета глаз
(Не сводит, как с иконы):
— Здесь на портрете-то у вас
Мне человек знакомый.

Я не забуду его век, —
Вздохнула вдруг Прасковья, —
Хороший, видно, человек,
Дай бог ему здоровья!

— Так это, бабка, Ленин сам.
Ильич, великий гений...
— Ильич? Родной? Ну, чудеса!
Так мне помог сам Ленин!

Да-а, он мне с пенсией помог, —
Прасковья прослезилась —
Ему бы, встретиться дай бог,
Я в ноги поклонилась.
1970.

Мавзолей

И сквозь февральскую пургу,
И сквозь шуршанье летней ночи
К нему на исповедь идут —
Душа ему открыться хочет.
Глядят задумчиво на нас

Из малахитовой аллеи
Седые ели, прислонясь
К гранитным плитам Мавзолея.
Нелепо смерти торжество,
И странно в свежести утра
Нам видеть мертвого его —
Он никогда не умирал.
Он видит всех. Он знает все,
Не отрешился от земного.
И мы в грядущее несем
Живое ленинское слово.

Скользит людей живая нить
Через покон Ильича...
Здесь долго хочется молчать
И долго молча говорить.
1971.

Плоды воспитания

Ребенку крики те острее лезвий:
«Не смей! Не лезь! Не трогай! Не вертись!»
Он вырос: не касается, не лезет,
Не вертится, не смеет — так всю жизнь.

Рифма

Давно так повелось: я будто должен
(вот до каких я требований дожил!)
Печаль и радость выразить в стихах
и с ними выступать на вечеринках,
на свадьбах, юбилеях и поминках,
тост поднимать и каяться в грехах.

Язык мой знал лишь стиховые ритмы,
и походя с него слетали рифмы —
все рифмы от зари и до зари.
Когда просил жену подать мне шило,
я добавлял, что «было... мыло... сплыло» —
не мог без рифмы, что ни говори!

И даже в бухгалтерии бесстрастной,
я рифмовал инкассо просто с кассой,
с финансами, балансами аванс.
Каким бы ни был стиль мой очень строгим,
рифмовка пролезала в эти строки —
писал я реферат или приказ.

Мои друзья — я будто зверь зубастый —
все стали обходить меня с опаской.
«Привет!» — кричали мне издали.
И там, на безопасном расстоянии,
смеясь и балагурия без боязни,
они крутили пальцем у виска.

Жене моей шептали бабы: «Муж-то
чего так говорит... того... Неужто
свихнулся? Ходит сам не свой...»
Меня на «Скорой» увезли в больницу,
и врач сказал: «А что ему лечиться?
Он безнадежен. Плохо с головой.»

Я начал таять, стал скелет скелетом,
а рифмы с языка текли при этом —
стихами бредил я и в яви, и во сне.
И вдруг замолк — явилось мне виденье:
с меня слетали рифмы с райским пеньем,
И я смекнул, что смерть пришла ко мне.

А умирая, пред последним вздохом,
без рифмы, наконец, как перед богом,
я человеческим голосом сказал:
«Дорогая, милая моя жена! Я умираю. Прощай.»
Она перекрестилась, озарившись светом:
«Ой, слава богу, умер человеком!» —
и с радостью закрыла мне глаза.

Мои ученики

Не надо говорить мне, что я молод.
Не надо говорить мне, что я стар.
Давно, конечно, я не косомалец,
Но радоваться жизни не устал.
Я не скажу, что у меня все в прошлом,
И не скажу, что жизнь вся впереди.
Пусть я на свете лет немало прожил,
Я чувствую себя всегда в пути.
Со мной живет, как первая награда,
Мой выпуск, бал и утренний поход:
Я, ощущая в каждом нерве радость,
Встречаю с классом солнечный восход.
Встает пред нами огненный диск солнца,
И плавятся над солнцем небеса,
А там, вдали, за гранью горизонта,
Шла, громяхая, первая гроза.
В обратный путь мы медленно идем
Сквозь грохот грома и сверканье молний.
Когда я с ними — в снег и под дождем —
Я радостью, я счастьем переполнен.
Когда я с ними был наедине,
Я забывал печали и усталость,
И молодо кипела кровь во мне,
Как будто бы от них переливалась.
Не потому ль живу я, а не тлею
И не сжигаю попусту мосты?
Во мне всегда живет девиз: «Старая,
Душою оставайся молодым.»
Как хорошо, что я из школьной бучи!
Во мне навеки школьные звонки.
И я не одинок, я в самой гуще:
Вокруг меня — мои ученики!

Когда-нибудь

Когда-нибудь (а это будет осень —
я не хочу, чтоб было по весне)
уйду я сквозь березовую просинь
и растворюсь в туманах, в тишине.

Но я прошу: не надо скорбной дани.
Пусть память унесет с собою вдаль
не горестные слезы, не рыданья,
а сдержанную, строгую печаль.

Глухой тоски невыносимо бремя.
Ты вспомни, когда будет тяжело,
что я родился первого апреля,
и улыбнись открыто и светло.

К чужим печалям оставаясь чуткой,
тяжелую сними ты с сердца грусть.
Ты засмеешься над моею шуткой,
и я, довольный, тотчас отзовусь.

Грустное

Время, время... То дышит весною,
то январских морозов лютей.
Низко-низко летят надо мною
гуси-лебеди жизни моей.

По весне гуси-лебеди плыли,
уходили в далекий зенит.

Тают в небе волшебные крылья,
лебединая песнь не звенит.

Даль седая нахмурена, мглиста,
и в уставшей душе не светлей.

Тихо падают желтые листья:
листопад — осень жизни моей.

Почему же печаль и тревога?
Потому что иду на закат?
Что к восходу закрыта дорога?
И нельзя мне вернуться назад?

Да, закрыт путь в далекое детство,
как туда ни стремись, ни тужись,
и бессмысленно в прошлое бегство:
не вернешь отшумевшую жизнь.

Даль нахмурена, грозна, безмолвна,
и стою я, тревогу тая.

И бегут, и бегут годы-волны,
с головой накрывая меня.

И нельзя отступить, отстраниться,
все смотрю в окончание дня.

И летят и летят годы-птицы,
сыплют снег седины на меня.

Да, все чаще грустится мне ныне —
дали мало меня веселят:
в сорок пять человек на вершине,
под уклон покати́л в пятьдесят.

О стихах

Мои стихи не тайны постиженью,
И новизны в строках не достает,
Но в них моей судьбы отображенью
И сердце обнаженное мое.

Моя незаживающая память
Склоняет мою голову к траве.

Здесь нет ни тел погибших и ни пепла:
Здесь не гремели смертные бои,
Но вижу вас, прошедших муки пекла,
Скорблю о вас, товарищи мои.

Лежал и я, израненный в кювете,
Бывал не раз у смерти на краю,
И потому иду к вам на рассвете
И долго, как с живыми, говорю.

Мемориальная доска

Опять стою я в школьном коридоре —
Зовет мемориальная доска:
Слились в ней человеческое горе
И молодость, ушедшая в века.

Ровесники мои, вас здесь немало!
Глотаю слезы, галстук теребя:
Как будто бы по классному журналу,
Читаю я фамилии ребят.

Они для счастья были рождены,
Романтики, поэты, зрудиты!
Но где те парни? Не пришли с войны.
Мы живы, а они — убиты.

И я не трусил, знаете вы сами,
И я горел в том гибельном огне,
Но все равно вина перед друзьями
Меня не покидает и во сне.

А в чем моя вина перед погибшим?
А в том, что жив, а он в земле лежит.
Все в мире, что нам дорого, чем дышим,
Досталось мне, а им принадлежит.

Товарищи мои мне часто сняты
Не знающими ни войны, ни ран.
Им и сегодня только девятнадцать,
А я, их одноклассник — ветеран.

Нам — славу, и любимых, и внучат,
И речи в дни Победы горделивы,
Мы — говорим, погибшие — молчат.
Как это все несправедливо!

Недвижны опаленные знамена,
Печально креп стекает по шелку...
Погибших надо помнить поименно —
Мы перед каждым именем в долгу.

Грустное

Время, время... То дышит весною,
то январских морозов лютей.
Низко-низко летят надо мною
гуси-лебеди жизни моей.

По весне гуси-лебеди плыли,
уходили в далекий зенит.

Тают в небе волшебные крылья,
лебединая песнь не звенит.

Даль седая нахмурена, мглиста,
и в уставшей душе не светлей.

Тихо падают желтые листья:
листопад — осень жизни моей.

Почему же печаль и тревога?
Потому что иду на закат?
Что к восходу закрыта дорога?
И нельзя мне вернуться назад?

Да, закрыт путь в далекое детство,
как туда ни стремись, ни тужись,
и бессмысленно в прошлое бегство:
не вернешь отшумевшую жизнь.

Даль нахмурена, грозна, безмолвна,
и стою я, тревогу тая.

И бегут, и бегут годы-волны,
с головой накрывая меня.

И нельзя отступить, отстраниться,
все смотрю в окончание дня.

И летят и летят годы-птицы,
сыплют снег седины на меня.

Да, все чаще грустится мне ныне —
дали мало меня веселят:
в сорок пять человек на вершине,
под уклон покати в пятьдесят.

О стихах

Мои стихи не тайны постиженья,
И новизны в строках не достает,
Но в них моей судьбы отображенья
И сердце обнаженное мое.

Моя незаживающая память
Склоняет мою голову к траве.

Здесь нет ни тел погибших и ни пепла:
Здесь не гремели смертные бои,
Но вижу вас, прошедших муки пекла,
Скорблю о вас, товарищи мои.

Лежал и я, израненный в кювете,
Бывал не раз у смерти на краю,
И потому иду к вам на рассвете
И долго, как с живыми, говорю.

Мемориальная доска

Опять стою я в школьном коридоре —
Зовет мемориальная доска:
Слились в ней человеческое горе
И молодость, ушедшая в века.

Ровесники мои, вас здесь немало!
Глотаю слезы, галстук теребя:
Как будто бы по классному журналу,
Читаю я фамилии ребят.

Они для счастья были рождены,
Романтики, поэты, эрудиты!
Но где те парни? Не пришли с войны.
Мы живы, а они — убиты.

И я не трусил, знаете вы сами,
И я горел в том гибельном огне,
Но все равно вина перед друзьями
Меня не покидает и во сне.

А в чем моя вина перед погибшим?
А в том, что жив, а он в земле лежит.
Все в мире, что нам дорого, чем дышим,
Досталось мне, а им принадлежит.

Товарищи мои мне часто снятся
Не знающими ни войны, ни ран.
Им и сегодня только девятнадцать,
А я, их одноклассник — ветеран.

Нам — славу, и любимых, и внучат,
И речи в дни Победы горделивы,
Мы — говорим, погибшие — молчат.
Как это все несправедливо!

Недвижны опаленные знамена,
Печально креп стекает по шелку...
Погибших надо помнить поименно —
Мы перед каждым именем в долгу.

Может быть, в глазницах озорниночки
Жгли меня (а это 5 класс!)
Видно, из-за глаз твоих, не иначе,
Я влюбился в самый первый раз.

Расхрабрился и в кино, не мешкая,
Прошептал заветные слова
Охатила ледяной насмешкою —
Убежал во тьме на сеновал.

Но всегда я был с тобой украдкой —
Без тебя не прожил я и дня.
Уходила с книгами, тетрадками,
Уводила за собой меня.

Стала собеседницей негласною,
Строгою судьей в моей судьбе.
Что ни делал, в деле было главное:
Нравится — не нравится тебе.

Встречи наши с глаз на глаз рискованны:
Взгляд твой низвергался как обвал.
Видела ты все, что было сковано —
Может быть стук сердца выдавал?

На виду ни ревности, ни зависти
К тем, кто провожал тебя в кино
Верил: пусть другой сегодня нравится,
Ты меня полюбишь все равно.

Но пришла в страну война жестокая,
За спиною Волга и Москва.
По земле родной на запад токая,
О тебе до боли тосковал.

Вспоминались берег, провожанье,
Я искал одну тебя в толпе.
Ты пожала руку на прощание,
Будто что-то дрогнуло в тебе.

И в ответ к тебе шагнул неволью я,
Но себя не видел до конца
Я не слал конверты треугольные,
От тебя ж хотелось письмаца.

Я вернулся в день осенний, палевый,
Друг подал записку (На, прочти!):
«Я тебя любила, недогадливый,
Но стыдилась. Милый мой, прости!»

Закатилось солнышко за сопками
Потемнело небо в вышине
Я лежал под соснами высокими
И рыдал с собой наедине.

Встретились бы мы с тобой, наверное,
Объяснились, если б не война...
Ах любовь, любовь ты моя первая,
Где ты, где ты, Нина Крупица?

Наследникам

Когда уйду я на опушку леса,
где нет ни солнца летнего, ни дня,
Какое же оставлю я наследство?
И есть ли то наследство у меня?
Отмеченный медалью «За Отвагу»,
в житейских передрягах был не смел:
я мог отдать последнюю рубаху,
а доставать не мог и не умел.
Не накопил на черный день излишка:
из-за текущих нужд едва-едва
дышала сберегательная книжка.
Какое тут наследство? Так, слова...
Но, думаю, наследство — не полцарства,
не особняк, не дача, не гараж.
В сто́крат ценнее книжое богатство,
деянья человека, его нрав.
Я искренность оставлю, умирая
(не раз я был проверен на излом),
свои стихи, любовь к родному краю
и душу не запятнанную злом.
Каким я был, того, наверно, стою:
я ни себе, ни вам не изменял.
Отбросьте все наносное, пустое,
а лучшее возьмите от меня.

Новогоднее мрачное

Нам с каждым годом Новый год
Все меньше радости несет.
Не сотрясают пляски дом,
Грустны напевы за столом.
Все уже круг, все тише звон —
не стол, не тост, а вздох и стон.
Глаза надеждой не горят —
внутри обращен потухший взгляд.
Что нам несут за днями дни?
Воспоминания одни.
Уедут старые друзья
в тот мир и в дальние края.
Мы в правоверности своей
не заведем иных друзей.
И вот однажды в Новый год
никто к нам в гости не придет.
Где были гости, шум, вино —
там одиночество одно.
В тоске по дедам и отцам
мы будем тихо угасать.
Как хорошо б в конце пути
из жизни вовремя уйти!

Эпоха

Что ты оставила, наша эпоха?
Подвиг народный, босую юдоль,
Жизнь миллионов на плахе Молоха.
Горько прозренье, мучительна боль.

Время свое не стряхнуть, не отбросить.
Где порвалась Ариаднина нить?
Встанем, откинув нависшую проседь,
Только бы веру в себе сохранить.

Дума о думе

Сессия народных депутатов.
Микрофоны корчатся от шума.
В судорогах собственных дебатов
Бьется государственная Дума.

Депутатский корпус колобродит
В думах о величии и силе.
Только нету думы о народе,
Только нету думы о России.

Дум спиро, спиро...

Дум спиро, спиро —
Пока дышу, надеюсь.
Покуда песнь не спета,
Я все сумею.

Дум спиро, спиро —
Пока живу, надеюсь
К моим росистым вербам
Вернусь, успею.

Там, за открытой дверью,
Все смутно, серо,
А я иду и верю —
Дум спиро, спиро.

И мучли кровавые мозоли,
Морозы, комарье и мошкара.

Но шаг за шагом, не щадя здоровья,
Отвоевали землю у тайги,
Построили займки и зимовья
По островам и берегам реки.

* * *

Мой прапрапрадед Яков Корноухий
(Лишенный уха — слишком был удал.
Земля чужая стала ему пухом)
На все века фамилию нам дал.

А прадед мой Еким (почти незрячий
Один пальмой медведя завалил),
Он передал характер свой горячий,
На сотию лет нам прозвище влил.

Мой дед Захар детиной был огромным.
Но ростом обделил своих внучат.
А дед Васильи внуков своих кровных,
Кричи ты, заревись — не замечал.

Характер независимый, свободный
Мешал всем поколениям Екимят.
Шли часто напролом и сумасбродно,
И редко кто из них был «дипломат».

Отстаивая честь и справедливость,
Показывали свой крутой нрав.
Не лебезили и не шли на милость —
Бурлила в них во всех варначья кровь.

Недаром, старым миром недовольны,
Мои дядья дрались с ним, кто как мог:
Один из них погиб, мой дядя Коля,
Погиб с Лазо как пал Владивосток.

И самый старший, дядя Ваня Трубка
(он партизан, как Карп — пути одни)
Жил долго, мудро, одиноко, трудно,
Все помня Волочаевские дни.

Сергей в боях не дрался за свободу —
Он поднимал Советы, бедноту.
Честнейший человек, погиб как враг народа
В том роковом тридцать восьмом году.

Отец мой был великий работяга.
Стучал кузнец с темна и до темна:
Покос — к сенокосилке больше тяга,
Жнитво — на жнейке согнута стина.

Горячий, быстрый и нетерпеливый,
Он был с детьми и взрослыми в ладу.
Его любили все за справедливость,
Не столичный юмор, доброту.

Били там гостей незваных,
Гнали их во все концы.
И вернулись партизаны,
Наши деды и отцы.

«Разгромили атаманов,
Разогнали воевод
И на Тихом океане
Свой закончили поход».

И пошли крушить с размаху
Старый быт и кулаков
И делить штаны, рубахи,
Коней, сбрую и коров.

Разгулялася погода,
Забурлила на селе:
Власть иная лихо, сходу
Старь сметала на земле.

Желто-звездною короной
Церковь высилась, бела,
Полетели в печь иконы,
Пали вниз колокола.

Нет креста на колокольне
И на шее нет креста.
Нет ни рая, ни юдоли,
Нет ни пасхи, ни поста.

От икон — без сожалений
И от веры в бога — так
Вера наша — только Ленин,
А икона — красный флаг.

Добрался актив до пашен.
Бац! — по колышкам-вехам
«— Нынче общее все, наше!» —
И плугами по межам.

«— Коллективное хозяйство!
«— Как же, паря, без межей?»
«— Создаем артель — и basta!»
И дрались из-за гужей.

«— Вместе, наразно — неважно!
Важно вот что для меня:
Чтобы вдоволь было пашни,
У меня, поди семья».

«— Нет, в колхоз я ни в какую,
Не такой уж я дурак.
Пусть другие там кукуют...»
«— Ах, ты, мать твою... кулак!»

«— Ты — вот так, а я иначе:
Ни в коммуны и ни в ТОЗ...»
В думах, крике, бабьем плаче
Родился родной колхоз.

Вместе с ним мы тонули,
вместе с ним выплывали,
и последнюю пулю
мы себе оставляли.

Наши игры простые,
наши русские игры!

Все, как в старой России:
те же бани и риги,
пустыри и сарай,
крыши и сеновалы.
Днем и ночью играли —
все казалось нам мало.

Нам, мальчишкам, не в тряпки
и не в куклы играть —
нам в войну или прятки,
гобедить, обогнать,
А игрушки: пеганчик,
да пикушка-свисток,
старый кожаный мячик
да цветное стекло...
Наши игры покоятся где-то
там, в заветном углу

под крыльцом.

Не «конструкторы»,
«краны», «ракеты» —
сохачи, налитые свинцом.

И сейчас не забыта
никакая игра.

Но когда это было,
может быть не вчера?
Была куча-мала,
бурелом настоящий.

Да и драка была —
но не били лежачих.
Лишь рука — твое право
(ни ножа, ни дубин),
только честная драка
и один на один.

Свой устав чтим мы свято:
мы друзья — не враги.
И дерутся ребята
лишь до первой крови.
Мы боролись с азартом
(меряй силу в руке),
станет душно, нам, жарко —
мы скорее к реке.

А водица — что надо:
Хороша Ангара!
И ласкает прохлада,
хоть какая жара.

—◆— |

На заре босиком я иду по росе.
Запах мяты дурманит,
свежесть утра бодрит,
утонули в тумане
добры кони мои.

Тишина. И глубоким
сном охвачен лозняк.
Слышу вдруг одинокий,
близкий ботала звяк.

Сквозь летучий туман
лучик брызнул косой,
и возник, как обман,
конь, омытый росой:
не летит, не идет,
не стоит на ногах —
как виденье, плывет
в кучевых облаках.

Ах, покос мой, покос —
детства сказочный мир!
Ты теперь далеко,
но по-прежнему мил.

А места! Всей душой
с вами я до сих пор:
остров Долгий, Большой,
Лысков, Суздалев бор...
И нигде так не пелось,
как в лугах у реки —
пели сердцем, умело
бабы и мужики.

Запевали негромко,
нить вели неспеша
и раздольно, широко —
замирала душа.

Пели мы, взрослым вторя,
Пели мы без конца
«Не вейтесь, чайки, над морем,»
Любимую песню отца.

Песни, русские песни,
вы навеки со мной!
Только с песнями ездим
мы с покоса домой.

Вдаль они улетают
по широкой реке,
эхом медленным тая
где-то в скалах, в тайге.
Вниз скользит наша лодка —
русских песен страна.

И плывут издалека
мимо нас — острова.

— ◆ —

за мое воспитанье
принимался ремень.
На столе лишь лучина
с треском тускло горит.
«Венчик; пестик, тычинка» —

Не зубрю ни немецкий,
ни ботанику я,
а Суворов и Невский
увлекают меня.

Страсть к истории влита
с детства школой моей:
Куликовская битва,
Пересвет, Челубей!
От учителя в сердце
залегли глубоко
декабристы и Герцен,

Робеспьер и Гюго.
Вижу пытки, допросы:
Русь взрезают мечом
Петр Великий и Грозный,
Разин и Пугачев.

Ликованья и беды,
звон набатный и стон,
поражения, беды —
быль живая, не сон.

Далей прошлого сини
ритмы каждого дня,
и герои России
волновали меня.

* * *

Но сильнее всего на свете
овладел навеки мной
мудрый, сочный, многоцветный
наш простой язык родной.

Вырос я в крестьянской гуще:
для меня всегда велик
торопливый и певучий
приангарский наш язык.

Да, не тот, который скучный,
не спряженья, падежи,
а живой, ядреный, звучный —
отражение души.

Образным народным словом
наслаждаемся не зря:
поговорок и пословиц —
половина словаря.

Лу, какая речь густая!
Не слова, а звень-цветы:

Где ночесь бродила, где-ка?

Жениха упустишь ты!

Ну, вставай-ка! Да не бегай,
как савраска без узды».

Отвечает ей девица
(и спросонья позевт):

«А куда мне торопиться —
не в порог, поди, несет».

Вижу с печи, из закутка,
дядя мой пришел с вином:

— Дай, сестрица, на закуску
рыбки красненькой звено.

Маме пьяные постылы:
— Нет закуски, хоть ты свой.

Веснусь рыбы дивно было,
нынче нету головой...

— Ну, ты скажешь! Плач ты боле...
— Вишь, кадушка-та проста.

— Ну, дак что? Неуж нисколя?
— Даже-даже. Ни хвоста.

(На войне родное слово
часто слышалось во сне:

«Апросинь-ё-ев! А корову
ты почилькяла ли, нет?»)

Школьный, самых строгих правил,
местный, слиток золотой,
я в язык единый сплавил
яркий, вечно молодой.

В детскую живую пору
он вошел и в плоть, и в кровь.
В нем и радость и опора,
вдохновење и любовь.

В нем начала и истоки,
без него не мыслю дня.
Как скажу без слов высоких
о тебе, любовь моя?

* * *

Ты рисуешь и красишь
небо, лес за рекой,
а однажды Некрасов
вышел весь как живой.

Ах, тридцатые годы!
Вся в контрастах страна:
То как факел свободы,
То — большая тюрьма.

Был подъем всенародный,
Вдохновение масс!
(Тот огонь Благородный
Ныне тихо угас).

В каждом деле начинка,
Как заклятье, — «Даешь!»
Небо было с овчинку
И в бураны, и в дождь.

Комсомольское племя!
Пионерский салют!
Торопило нас время —
Шли, куда ни пошлют.

Одержимые страстью,
Шли на дело, как в бой.
Ощущали мы счастье
Сердцем и головой:

На митингах в пору ту дальнюю
Кричали мы хором без лести:
«Спасибо товарищу Сталину
За наше счастливое детство!»

Сталин — новая эра.
Бог наш, гений и вождь.
Беззаветная вера.
Безоглядная ложь.

Умер Сталин — о горе!
Неутешен мой плач.
А открылось нам вскоре:
Он тиран и палач.

Я готов был молиться:
Нет святого святей.
Оказалось: убийца
Миллионов людей.

Как продажная шлюха,
Из учебников враз
Вырван маршал наш Блюхер.
Мы поверили: враг.

Наш сосед лишь два слова
Положил на Портрет
и за каждое слово
получил десять лет.

Но не двадцать отбухал —
жизнь взята за портрет.
Не ни слуха, ни духа —
не вернулся сосед.

ЭПИЛОГ ВТОРОМ

Да, тебе 60!
Это мало и много —
Смотря как.
Долго тянется наша дорога,
будто вечность живешь.
А спохватишься вдруг —
положение центнота:
будто не жил, а жизнь на исходе —
коротка —
никуда не погрешь.

Ну и пусть 60!
Сколько прожил — неважно.
Важно — как.
Что осталось немного — не страшно,
если ел ты свой хлеб.
Что осталось тебе —
проживи не напрасно
и оставь в этой жизни прекрасной —
на века
добрый след на земле!

Без-равнодушия и лени,
через палящий зной и тьму
выпускники всех поколений
слетелись к детству своему.

Встречаемся, как сестры, братья —
в нас школьный дух неугасим.

И смех, и слезы, и объятья!

«Ах, сколько лет! Ах, сколько зим!

— А помнишь?

— Помнишь?

— Да о чем мы?

— А помнишь вместе — ты и я.

— Каким был дружным и сплоченным
тогда наш класс 10 «А»!

— Ты помнишь, как в одном черке я
шла из похода и...

— Постой!

А помнишь ты, как Каи Сергееч
своей страдал нас бородой?

— Да, было в классе их немало,
красивых, боевых ребят,
но лишь тебя поцеловала...

О как любила я тебя!

Что говорить о песне спетой?

Теперь детишки, муж, семья...

Счастлива ли? Все в прошлом, Детья,

А виновата, видно, я...

— Я не узнал тебя, не скрою:

Какой красивой стала ты!

Как Незвестная Крамского,

Но еожжены мои мосты.

— А это кто, широкий, крупный?

Смотри-ка, Саша какой!

Был самым маленьким он в группе,
а нынче, вишь, какой бакряк!

— На сцене — мы, и мы — в спортзале;
и на полях мы — впереди,
а в общем цену себе знали,
и пальца в рот нам не клади.

— Зато и доставалось кренко:
на построениях не раз
суровой критикой директор
публично жаловала нас.

Бывало просыпалась рано,
трещал от стужи старый дом.
Глядела слепо квартирантка
в окно, затянутое льдом.

Средь заколдованного края,
в глухом, невидимом лесу
стояла молча, вытирала
вдруг набежавшую слезу.

Брала задачки и глаголы
(ни зги не видно на дворе),
шла по селу, входила в школу
и улыбалась детворе.

Прошли давно те годы мимо,
метель следы их замела...
Печаль моя невыразима,
а память детская светла.

Учились в школе, мы случалось

при лампах, свечках или без,
и сами буквам обучали
всех стариков: в стране — ликбез.

Такой подъем и вдохновенье:
мы в коммунизм — на всех парах!
Но были дни (им нет забвенья),
когда сжимал нам горло страх.

Тридцать восьмой: — земля немела —
арестов шел девятый вал,
но наша песня — «Песня смелых»
и Сталин — гений, идеал.

Тридцать восьмой: — не только жертвы —
начала наши, наш исток,
в нем средней школы выпуск первый
и первый видимый итог.

Расправив крылья, в это лето
птенцы вспорхнули из гнезда...
Их имена, дела их светят
в восьмидесятые года.

...На школьной площади особо
(у нас аж слезы на глазах)
стояли Дуся Кузнецова
и с ней Зырянов Елизар.

Летели к ним аплодисменты:
стояли на родной земле
живые люди из легенды,
посланцы довоенных лет.

Их класс не тихая обитель —
им всем цена золотника:
Кузьмич — заслуженный учитель,
а Черных вырос до ЦК.

Перед девчонками в учебе
нет превосходства у меня,
иду на танцы — я в почете:
на восемь девок один я.

А их еще не целовали...

Стоят, а руки на груди.

На круг церковный, танцевальный
какую хошь бери, веди.

Тут что поделаешь — природа!

Пойми, потомок, и прости:
без парня нет продленья рода,
и сердце сохнет от тоски.

Но нет на танцах кавалеров,
и не дожждаться — стой не стой,

Войной как будто к высшей мере
приговорен наш род людской.

...А мы все в окна смотрим страстно:
когда откроется река,
пойдут илимки, главный транспорт,
и призовут нас в РККА?

На школьной площади, по грязи,
гоняет нас за кругом круг,
с винтовками, в противогасах, —
готовит к фронту военрук.

Сдаем экзамен самый веский,
река зовет нас за окном.

И с аттестатами повестки
вручают нам на выпускном.

...Война губительным потоком
прошла по классу моему:
в строю под «43-м годом»
стою один на всю страну.

Какие в классе были люди!

Всех унесла с собой война.

О, сколько юных жизней, судеб
поискалечила она!

Не только юных покосила —
она весь цвет наш замела:
на фронт ушли и честь, и сила,
и гордость нашего села.

Ушли Красивский и Словецкий...

Один под Волховом погиб,

Другой пришел с земли немецкой,
и без руки, и без ноги.

Уходят вдаль сороковые,
и нет моих учителей,
но знамя их несут живые
ученики военных дней.

его не то, что добровольно,
трудиться палкой не пошлешь.

Вернемся же к поре той дальней:
на переменах громкий спор,
а у доски — то лепетанье,
то умный, тонкий разговор:

Негероические будни,
но вся страна чего-то ждет.
Уже запущен первый спутник,
вот-вот гагаринский полет.

Ну, а пока высоко небо,
решить проблему бы одну:
чтоб накормить народ весь хлебом,
идет поход на целину.

При этих детях умер Сталин.
Казалось им, что рухнул мир.
О, как они о нем рыдали!
Кто знал, что ложным был кумир?

Его сменил Хрущев. Без страха
он культ «вождя» разоблачил.
Подняв целинный пласт, он, пахарь,
себя на этом истошил.

Начав свой путь к народу смело,
он сам сбиваться стал с пути,
и потому, что он ни делал,
его деянья не в чести.

Великий идол был низложен,
и новый рухнул пьедестал —
исчез у нашей молодежи
среди живущих идеал.

Но есть одно — не знает тленья
и не обманет их сердец,
одно бессмертно имя — Ленин,
для всех чистейший образец.

Вот почему не пали духом
ребята нашего села —
нет места скуке, показухе,
и не для галочки дела:
то шефство, то олимпиада,
то комитет, то важный слет,
то срочная агитбригада,
то в Ванавару переход.

И ни минуты нет свободной —
всех кружит жизни карусель...
Не потому ли и сегодня
они — сообщество друзей?

Но жизнь внесла свои поправки —
тут у кого какой запал:
кому-то труд, кому-то праздник,
кто роднит ввысь, а кто упал.

Судьба кому-то улыбнулась,
навек отдав приязнь свою,
кого-то по посу шёлкнула,
кому-то сунула свинью.

Один в заботах по макушку,
и каждый день, как вечный бой,
другой всю жизнь на побегушках,
а так доволен сам собой.

Мечтатель бросил свои планы,
смирился с серой прозой дня...
Ведь были личности, таланты —
ужель исчерпаны до дна?

Да, есть и личности, и лидер,
народ, ведущий за собой,
и дипломат, и целитель,
а в целом — полный разнобой.

Но в каждом искра общей боли,
роднит всех, метит своего:
они все — дети одной школы,
они из класса одного!

VI

Последние годы

Конечно, каждый выпуск важен,
но груз такой нам не поднять:
о всех не только не расскажешь —
не перечислить, не назвать.

Из моего рассказа выпал
(нет, он не выброшен за борт)
мой самый-самый главный выпуск:
о нем особый разговор.

В тени осталась современность,
ее весенний, ранний сад.
О ней, скажу вам откровенно,
совсем не хочется писать.

В ней все, как в прежних поколениях,
но нет кристальности души,
на ней эпохи наслонены,
налет неискренности, лжи.

Поток речей, хвалебных, сладких,
процентомания и «вал»,
очковирательство и взятки
(я их не брал и не давал).

Промчалась встреча в ярких красках
и улетела в небеса,
как недосказанная сказка,
где нет счастливого конца,

Как миг, единое мгновенье,
жар-птица, что была в руках.
Мелькнуло чудное виденье —
остались слезы на глазах.

Но это чудо не приснилось —
коснулись мы родной земли.
Мы, как живой водой умылись,
мы будто крылья обрели.

Прости, прощай, родная школа!
Мы знаем: ждет тебя беда.
С тобой мы встретимся не скоро,
а может быть, и никогда.

Но знай: любовь к тебе безмерна,
мы сплочены тобой одной.
Ты в нашей памяти бессмертна,
как образ матери родной.